

„Язык должен образоваться употреблением...“

О филологических наблюдениях П. А. Вяземского

В. М. Борисов,
кандидат филологических наук

Когда ныне говорят о Петре Андреевиче Вяземском (1792—1878), непременно упомянут, что он был другом Пушкина, поэтом, но не из крупных. О прозе Вяземского, о его критических работах вспоминают реже. Между тем А. С. Пушкин высоко ценил Вяземского-поэта, Вяземского-прозаика и критика. О недюжинном таланте, о неординарности, нестандартности мышления П. А. Вяземского свидетельствует такой пушкинский отклик: «Критические статьи кн. Вяземского носят на себе отпечаток ума топкого, наблюдательного, оригинального. Часто не соглашаешься с его мыслями, но они заставляют мыслить» (Пушкин. Полн. собр. соч. Т. XI, М.—Л., 1949, с. 97).

Личность Вяземского-литератора, с детства влюбленного в мир слов и посвятившего филологическим разысканиям, как и поэзии, всю свою долгую жизнь, формировалась под благотворным влиянием Н. М. Карамзина, доводившегося ему родственником и ставшего впоследствии, когда Вяземский пятнадцати лет отроду остался круглым сиротой, его опекуном. Карамзин передал своему одаренному воспитаннику страстную привязанность к русской истории и русской словесности.

Еще в молодые годы Вяземский пристрастился к словотворчеству. Так, в одном из «Писем из Парижа», опубликованных в «Московском телеграфе» в 1826 году, он впервые употребил выражение «квасной патриотизм», которое, как и «квасной патриот», вскоре разошлось по всем российским журналам и прочно вошло в обиход, дожив до наших дней.

Литературные вкусы и пристрастия Вяземского, определившиеся его близостью к Карамзину, привели его к будущим арзамасцам — Жуковскому, Батюшкову, Александру Тургеневу, Денису Давыдову. Когда же в 1815 году в противовес консервативной шинковской «Беседе» возникло литературное общество «Арзамас», куда

вошел и юный Пушкин, Вяземский уже был заметной фигурой в борьбе «карамзинистов» с «шишковистами». И в теории, и в своей творческой практике арзамасцы выступали за новый литературный язык, «ратовали за развитие языка мыслей» (Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969, с. 140).

«Пусть целостность нашего языка, — писал Вяземский в 1825 году, — будет равно священна, как и неприкосновенность наших границ; но позво-

льте спросить: разве и завоевания наши почитать за нарушение этой драгоценной целостности? Не будем забывать, что язык политический, язык военный — скажу наотрез — язык мысли вообще, мало и немногими у нас обработан» (Московский телеграф, 1825, ч. 3, № 12, с. 354—355). Однако Вяземский был не только среди тех, кто расчищал пути развития русского литературного языка, он умел исторически верно оценить и опыт прошлого.

В этой связи интересны высказывания Вяземского о В. К. Тредиаковском (1703—1768). Современники Тредиаковского откровенно смеялись над ним — поэтом и филологом. На защиту несправедливо оцененного литератора пришлось выступить Пушкину. В 1834 году в незаконченной статье «Путешествие из Москвы в Петербург» он писал: «Тредиаковский был, конечно, почтенный и порядочный человек. Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков (...) В «Тилемахиде» находится много хороших стихов и счастливых оборотов (...)» (Пушкин. Полн. собр. соч. Т. XI, с. 254).

Но даже пушкинское «оправдание» Тредиаковского не изменило отношения к нему на протяжении десятилетий. Так, в 1878 году И. С. Тургенев писал: «Тредиаковский потому только был смешон, что стремился быть стихотворцем, не имея на то никакого призвания; а пойми он, в чем состояло дело, — при его познаниях и уме... он мог бы принести великую пользу» (Русские писатели о литературном труде. Сб. в четырех тт. Т. 2, Л., 1955, с. 764).

По мнению Тургенева, выходило, что «пользы великой» Третьяковский так и не принес. Иного взгляда на этот счет держался Вяземский, который задолго до 1855 года, — времени появления в печати пушкинской статьи «Путешествие из Москвы в Петербург», — отметил в своей «Старой записной книжке»: «А право, напрасно закидали у нас бедного Третьяковского такой грязью: его правила о стихосложении вовсе не дурны. Его мысль, что наш язык должен образоваться употреблением, (<...>) очень справедлива. Он чувствовал, что письменный язык один есть мертвый» (Вяземский П. А. Записные книжки. 1813—1848. М., 1963, с. 200—201). Побутно сообщим, что фрагменты из «Старой записной книжки» до того, как ей быть включенной в состав Полного собрания сочинений П. А. Вяземского в 12 томах (СПб., 1878—1896), печатались в русской периодике, а приведенное нами высказывание — надо подчеркнуть! — первое без оговорок похвальное слово В. К. Третьяковскому.

Словотворчество Вяземского оставило след в русском языке. Но не только «квасной патриотизм» в арсенале этого плодовитого литератора, для стиля которого была характерна не всегда «гладкая», но всегда неожиданная словесная игра. Образованные, «придуманные» им слова он иногда выделял шрифтом. Следует признать, что большинство неологизмов Вяземского оказались недолговечными. Однако некоторые из них, перестав быть фактом индивидуального употребления, пусть ненадолго, но входили в состав литературного языка. *Сердечкин* — одно из таких слов. Вяземский использовал его в смысле «влюбчивый человек», например, в таких контекстах: «В молодости он был большой сердечкин и волокита». Это о Л. К. Разумовском, а вот о И. М. Долгорукове: «Он влюбчивый поэт. Он поэт-сердечкин, но не вроде князя Шаликова» (Вяземский П. А. Старая записная книжка. Л., 1929, с. 229, 279).

Слово *сердечкин* вслед за Вяземским в середине прошлого века использовали и другие русские писатели. А потом оно вышло из употребления. Почему? Вяземский искал ответ на такого рода вопросы, глубоко интересуясь историей слов и словоупотреблений. Например, цитируя Карамзина: «Кто, будучи в Женеvской республике, не почитет за приятную должность быть в Фернее, где жил славнейший из писателей нашего века?», Вяземский отметил: «В этих словах Русского Путешественника поразило меня слово *должность*. Теперь сказали бы *долг* или *обязанность*. Конечно, лестно самолюбию каждого писателя отыскать неправильное выражение в Карамзине, как всякому астроному отыскать пятнышко на солнце... Но полно, пятнышко ли это? С Карамзиным надобно быть осторожным, он слова употреблял не наугад» (Вяземский П. А.

Полн. собр. соч. в 12 тт. Т. 7. СПб., 1882, с. 52; в дальнейшем ссылки на это издание даются лишь с указанием тома и стр.).

Вдумчивое отношение к языку характерно для Вяземского особенно в тех случаях, когда он пробует слова «на вкус»: то старое слово применит в новом значении, то как бы примеряется к новому, возможно, только что пришедшему на ум. Например, словарь Даля отмечает: *холостой* — мужчина, заряд, выстрел и т. д. У Вяземского же образуется сочетание «холостая битва» (т. 8, с. 285) в значении «бескровная». А рядом, на предыдущей странице, Вяземский употребил слово *нейтральный*, не отмеченное тогда в словарях, а ныне — в измененном виде — такое обычное: «Он (А. И. Тургенев.— В. Б.) Москву любил: она была для него, так сказать, нейтральным местом. Петербург мог напоминать ему и прежние успехи его, и последовавшие за ними недочеты и неприятности; в гостеприимной и неучаствовавшей во всем этом Москве было ему льготнее». О новизне употребления слова *нейтральный* говорит и *у* вместо *й* (виден иностранный источник), и модальность (*как сказать*).

А вот еще новация: «лгать как зубодерг» (т. 8, с. 448). Автор указывает французский источник выражения: *mentir comme un attacheur de dents*. Возникает вопрос: не одним ли из первых сказал так Вяземский, поскольку В. И. Даль зафиксировал четыре синонима (*зубодер, зубодерга, зуборвач, зуболом*), что говорит о еще неустоявшемся словоупотреблении?.. Вот еще любопытное замечание из дневниковых записей: «И. И. Дмитриев бранит меня за выражение *казенный*. Чувствую и сам, что оно не авторское. Но как же выразить *d'office, de rigueur obligé?*» (т. 9, с. 76). И действительно, перевод с французского нам дает: *официальный, безусловно обязательный*.

Приведенные примеры говорят о том, что Вяземский занимался калькированием удачных оборотов с французского, однако он не был записным галломаном, а это, безусловно, цепилось в пушкинской среде.

Вяземский как истинный поэт не мог не мыслить филологически. Однако, в отличие от многих других настоящих поэтов, он был наделен и даром ученого, который, отметив что-то интересное в языке, переносил свои наблюдения на бумагу — с благой целью содействия развитию, совершенствованию родной речи.

В следующем соображении Вяземского курсивом выделены два первых слова: «*Бездарность, талантливый* — новые площадные выражения в нашем литературном языке. Дмитриев правду говорил, что наши новые писатели учатся языку у лабазников» (т. 9, с. 196). В другом месте — о том же, но и выражая попутно психологиче-

ски любопытное наблюдение над языком писателей: «Немного парадоксируя, Пушкин говаривал, что русскому языку следует учиться у просвирен и у лабазников; но, кажется, сам он мало прислушивался к ним и в речи своей редко простонародничал. Странное дело, и нельзя кстати не заметить: рождением простолюдин и холомогорец Ломоносов, едва ли из наших писателей не наименее русский в том значении, которое присваиваем определению нашему. Даже Сумароков (...) более глядит русским, нежели Ломоносов...» (Вяземский П. А. Старая записная книжка, с. 279). В этом высказывании очевидна приверженность Вяземского к стану тех литераторов, которые считали, что «язык должен образоваться употреблением» в быту.

Стремление растолковать слово, связать его возникновение с определенным моментом в жизни общества видно из таких замечаний Вяземского. Назвав опального уже М. М. Сперанского *нововодителем* (*новатором*), Вяземский поясняет: «прокладыватель новых путей, зачинщик новых порядков», то есть автор не уверен, что читатели поймут слово *нововодитель*, как и слово *трафарельщик* в смысле *подражатель*. Или такое замечание Вяземского: Шишков говорил, «что слово республика не что иное, как режь публику» (там же, с. 141, 142, 104).

А вот драматичная, по сути, исторически документальная сцена, зафиксированная пером внимательного филолога: «Во время государевой (Павла I) поездки в Казань Нелединский, бывший при нем статс-секретарем, сидел однажды в коляске его. Проезжая через какие-то обширные леса, Нелединский сказал государю: «Вот первые представители лесов, которые далеко простираются за Урал». — «Очень поэтически сказано, — возразил с гневом государь, — но совершенно неуместно: изволька сейчас выйти воп из коляски». Объясняется это тем, — замечает Вяземский, — что было сказано во время французской революции, а слово представитель, как и круглые шляпы, были в загоде у императора» (там же, с. 79).

Лингвистические разыскания, «игра в слова» доставляли Вяземскому-филологу не только истинное наслаждение, но и приносили ему подчас удовлетворение, поскольку, как, видимо, успел убедиться читатель, это не была самоцель, поиск ради поиска. Вот одно из его кратких, как бы вскользь высказанных соображений: «Глотка греческое слово, по-французски *glotte*. В Академическом Русском словаре не обращено внимания на греческое происхождение некоторых наших слов, а если и бывают ссылки, то на латинские слова» (т. 9, с. 222). Или такое «ненаучное», на наш сегодняшний взгляд, наблюдение, но показывающее филологические инте-

ресы круга лиц, в котором вращался Вяземский: «Говорили однажды о звукоподражательности, о собрании некоторых слов на разных языках, так что и не знающему языка можно угадать приблизительно, по слуху, к какой категории то или другое слово должно принадлежать. В Москве приезжий иностранец принимал участие в этом разговоре. Для пробы его спросили: «Что, по-вашему, должны выражать слова: *любовь, дружба, друг?*» — «Вероятно, что-нибудь жесткое, суровое, может быть и бранное», — отвечал он. — «А слово *телятина?*» — «О, нет сомнения, это слово ласковое, нежное, обращенное к женщине» (Вяземский П. А. Старая записная книжка, с. 193).

Заслуживают внимания теоретические размышления Вяземского о языке. «У нас прежде говорилось, — писал он, — *воевать неприятеля, воевать землю, воевать город*; воевать кого, а не с кем. Принятое ныне нами выражение двоемсленно. Воевать с пруссаками может значить вести войну против них и с ними заодно против другого народа. Желательно было бы, чтобы изгнанное выражение получило снова право гражданства на нашем языке. Сколько еще подобных выражений, слов значительных, живописных, оторванных от нашего языка не прихотливым, своенравным употреблением, но просто слепым невежеством. Мы не знаем своего языка, пишем наобум и не можем опереться ни на какие столбы. Наш язык не приведен в систему, руды его не открыты, дорога к ним не прочищена» (т. 9, с. 8).

Раздумья Вяземского о недопустимой в ряде случаев «двоемсленности» слов и выражений, о том, что слова в идеале должны быть «живописны» и «приведены в систему», конечно же, естественны для поэта, который больше, чем кто-то другой, понимал: и золотая мысль не блестит, если ее в серебро слов не оправить. Такого богатого свойства слиянности формы и смысла еще не ощущал в русском языке своего времени беспокойный поэт и филолог Вяземский. И он выработывал — в себе, прежде всего — языковое чутье, которого нельзя достичь без участливого, любовного отношения к родной речи. Ведь отличительная особенность истины и в том, что ее можно выразить лишь точными, яркими словами, которые пока еще в языковых «рудах», дорогу к которым надо «прощипать».

Вяземский забегал мыслью и в далекое будущее: «Не дай бог, чтобы все словесности имели один язык, одно выражение: оно будет тогда вернейшим свидетельством, что посредственность стерла все отличительные черты» (там же, с. 28).

Приведем свидетельство интереса Вяземского к песням, бытовавшим в городской среде, и высказанного им сожаления, что они

не вызывают спроса у издателей: «Немцы и французы имеют целую литературу застольных песен. А мы, охотно поющие (...), ничего такого не имеем. В старых московских бумагах отыскалась подобная (...) застольная песня, которую сюда и заносим:

(...) А вот и наш Американец!
 В день славный, под Бородиным,
 Ты храбро нес солдатский ранец
 И щеголял штыком своим.
 На память дня того Георгий
 Украсил боевую грудь:
 Среди наших мирных братских оргий
 Вторым ты по Денисе будь!»

В приведенном отрывке из «Старой записной книжки» на стр. 290 Вяземский, участник Бородинского сражения, говорит о Ф. И. Толстом-«Американце» (так графа называли в кругу друзей после его краткого пребывания в Северной Америке) и о поэте-партизани Д. В. Давыдове.

«Мне часто приходило на ум, — продолжает Вяземский, — написать свою *Россиаду*, не героическую, не в подрыв херасковской, не «попранну власть татар и гордость низложенну» (боже упаси!), а *Россиаду* домашнюю, обиходную, сборник, энциклопедический словарь всех возможных *руссицизмов*, не только словесных, но и умственных и нравных, то есть относящихся к нравам; одним словом, собрать, по возможности, все, что удобно производит исключительно русская почва, как была она подготовлена и разработана временем, историею, обычаями, поверьями и нравами исключительно русскими. В этот сборник вошли бы все поговорки, пословицы, туземные черты, анекдоты, изречения (...) Тут так бы Русью и пахло (...) Много нашлось бы материалов для подобной кормчей книги, для подобного зеркала, в котором отразился бы русский склад, русская жизнь до хряца, до подноготной. А у нас нет пока порядочного словаря (...)» (там же, с. 198—199).

Конечно, Петр Андреевич Вяземский в своих высказываниях по истории и филологии мыслил кое в чем неисторически, не всегда профессионально, но тем более ценно, что некоторые его мысли целиком совпадают с нашими, нынешними, зовут к действию, как, например, следующая: «Во многих ли семействах сохранились семейные портреты, переписки (...)? Меня уверяли, что недавно, когда, для совершения какого-то акта, потребны были бумаги князя Смоленского-Голенищева-Кутузова, нигде не могли найти послужного списка его. Мы скоро живем, и наши доисторические эпохи, как изволите видеть, довольно свежи. Авось новое поколение наше будет бережнее и домостроительнее...» (т. 7, с. 53—54).